

М. Горький и чуваши

А. М. Горький непосредственно мало был связан с чувашами, но оказал и оказывает, как никакой другой писатель, большое внимание на развитие чувашской литературы. Вопрос о том, какое отражение нашли чуваша в русской литературе и в каких отношениях находились с тем или иным писателем, представляет живейший интерес не только для чувашской научной и литературной общественности, но и для широких кругов населения.

Чуваши в прошлом считались народом „без рода и племени“. Если было так плохо и так страшно в силу известного „идиотизма“ деревенского быта в русской деревне, то вдвойне было и плохо и страшно в чувашской деревне, находившейся под двойным гнетом — и классовым и национальным. В захудалых „инородческих“ уездах быв. Казанской губернии и полицейский разгул и эксплуатация трудового населения со стороны ростовщического капитала и со стороны „коштанов“ (кулаков) принимали более жестокие формы, чем в большинстве русских районов. Здесь население не знало русского языка, не знало грамоты, почти поголовно болело трахомой и пребывало во власти чудовищных суеверий, в которых причудливо сочетались навязанные силой христианские верования с упорно сохранившимися, вплоть до революции, остатками первобытной мифологии и древнего язычества. Чуваши были народом без истории, без письменного языка, без культуры, хотя в количественном отношении представляли весьма значительный национальный коллектив (ведь в данный момент их насчитывается до полутора миллиона человек). „Чувашскую книгу короля с'ела“ — гласит старинная чувашская поговорка. В результате неимоверно трудных исторических условий, в которых жил этот

народ, деградировало и вырождалось и чувашское народное слово. Из созданных некогда среди чувашей были — такмаков, мифологических и героических поэм и сказаний (об Искендере — Александре Македонском, Степане Разине, Пугачеве и пр.) и исторических песен до сего времени сохранились лишь осколки, только остатки раннего мифологического творчества в виде сказок, которых в данный момент зарегистрировано свыше трех тысяч.

Сейчас Чувашия живет совершенно иной жизнью. Возникли, и из года в год возникают, новые промышленные предприятия, сельское хозяйство в основном коллективизировано, дороги являются образцом для всего Советского союза. Новая Чувашия мало имеет общего с захудалыми „инородческими“ уездами бывшей Казанской губернии.

Новые люди, со свойственной молодому возрасту энергией строящие свою национальную по форме и социалистическую по содержанию культуру, — это люди новой породы. Они, совершившие такой головокружительный скачок, естественно, хотят понять себя, хотят осмыслить свое прошлое, которое представляется таким темным, хотят взять из прошлого все то, что так или иначе может быть использовано в культурном строительстве. Не имея своей истории и письменности в прошлом, не располагая никаким, кроме остатков народного творчества, культурным наследством, они, естественно, обращаются к русской литературе, стараясь найти и отобрать из нее все те мелкие, а подчас и случайные крохи, которые в той или иной форме могут помочь осмыслению прошлого и могут быть использованы в строительстве культуры, в частности в развитии своей национальной литературы.

Чуваши в русской художественной ли-

тературе получили крайне слабое отражение. Более или менее богатый материал о чувашах имеется только в специальной исторической, этнографической, лингвистической и частью в публицистической литературе. Писал о чувашах еще известный Посошков, который настаивал на насильственном обучении инородцев грамоте и использовании их в качестве хороших землепашцев для улучшения сельского хозяйства в русском государстве. Из писателей первой половины XIX века интересные записи и упоминания о чувашах находим у Радищева, Пушкина, С. Т. Аксакова, Шевченко, Герцена. Радищев, как и Шевченко, проехал через чувашский край, когда его везли в Сибирь. Он на волжской пристани Козловка увидел большую толпу выглядевших первобытными дикарями чувашей в белых домотканых одеждах, которых русские купцы, по его словам, обманывали, как только хотели. Пушкин, изучая вопрос о пугачевском бунте, был в Поволжье, видел чувашей, посетил известную казанскую этнографистку, много писавшую о чувашах, мадам Фукс, и в своей „Истории пугачевского бунта“ и в переписке зафиксировал некоторые штрихи, освещающие участие чувашей в Пугачевском восстании. С. Т. Аксаков, предки которого недолгое время владели крепостными чувашами, упоминает о чувашах во многих местах в своих произведениях. Момент пребывания двух чувашских селений в крепостном владении Аксаковых, между прочим, зафиксирован в драме чувашского писателя-колхозника Романова, которая ставится в колхозах Бижбулякского района Башкирской республики. Весьма интересные заметки о чувашах оставил А. И. Герцен. Он, будучи в вятской ссылке, изучил историю картофельного бунта в 40—61-х годах прошлого столетия в Казанской и Вятской губерниях и посвятил ей пару страниц в книге „Былое и думы“ (стр. 228, изд. 1931 г.). Наиболее кровавый характер этот бунт принял среди чувашей Козьмодемьянского уезда Казанской губ. А. И. Герцен здесь, между прочим, говорит: „Настоящий клад для земской полиции— это вотяки, мордва и чуваш: народ жалкий, бездарный и робкий“.

С падением крепостного права и со вступлением России на путь капиталистического развития положение чувашей несколько изменилось, но едва ли к лучшему для трудовых масс народа. Изве-

стный этнограф Сбоев в 1865 г. в Москве выпустил книгу „Чуваши“, в которой он зафиксировал: „Монополия русских на чувашских базарах исчезла: большей частью чувашаи сами заготавливают или закупают в Казани и в уездных городах и продают на своих базарах нужные для домашнего обихода вещи. Эти торговцы составляют цвет, высшую аристократию, сливки чувашского племени. Они говорят, обыкновенно, не только с русскими, но и между собой не иначе, как по-русски“. Этот верхушечный слой торговой буржуазии и кулацко-ростовщического капитала рос и умножался по мере развития российского капитализма и был тем орудием, с помощью которого капитализм вывозил за бесценок из „инородческих“ районов сырье и прочие необходимые товары. Эти выскочившие „в люди“ торговцы и ростовщики жили настолько отличной от основной национальной массы жизнью, что не считали для себя и возможным говорить на родном языке. Но основная масса национального крестьянства нищенствовала и находилась почти в таком же беспросветном рабстве, как и при крепостном праве. Чуваши в подавляющей массе продолжали находиться в состоянии первобытного одичания. Л. Н. Толстой, имевший возможность ознакомиться с чувашами в период обучения в Казанском университете и при посещении имений в Самарской губернии, в романе „Воскресение“ наряду с конвоиром—русским солдатом из нижегородских мужиков, вывел тип солдата из чувашей, придав ему облик честного, абсолютно не тронутого культурой человека. Нужно отметить, что трактовка чувашей в этом же стиле продолжалась вплоть до революции, хотя это уже в значительной мере не соответствовало действительности. Это, очевидно, происходило частью из-за недостаточного знакомства русских писателей с чувашами и частью в угоду времени, когда националов неизменно рисовали в подчеркнуто экзотическом стиле. Л. Н. Толстой тоже плохо знал чувашей, по крайней мере в личной переписке со мной в 1908 г. он меня запрашивал: „Сколько же есть на свете чувашей и как они живут в религиозно-нравственном смысле?“. Из произведений позднейших писателей, написанных в том же стиле, можно упомянуть пьесу Н. К. Гарина-Михайловского „Зора“, повесть Н. Д. Телешова „Сухая беда“ и рассказ Марка

Криницкого „Тора амыже“ („Божья мать“). Здесь нет места останавливаться на содержании этих произведений, мы лишь укажем, что они все дают ошибочное представление о чувашах и рисуют их такими, какими они могли быть примерно сто лет ранее. Чуваша с падением крепостного права и в особенности с 90-х годов прошлого столетия усиленно втягивались в процесс капиталистического развития, подвергались классовому расслоению, уходили на заработки в города и на фабрики, создали кое-какую письменность и интеллигенцию, довольно активно участвовали в революции 1905 года. Все это почти не нашло никакого отражения в русской художественной литературе.

Это происходило и потому, что русские писатели непосредственно не бывали в чувашской деревне и не изучали чувашей, а знакомились по миссионерской, этнографической и всякой другой литературе, которая, в угоду политике царизма, всегда особенно подчеркивала только темные и экзотические стороны чувашского быта. Пожилые люди могут припоминать, как трактовались чуваша вплоть до конца XIX в., хотя бы в официальных учебниках географии. „Чуваша замкнуты, хитры и лживы; если попросить чувашина показать дорогу — он скажет „иди прямо“ и укажет не туда, куда нужно идти, а в обратную сторону“ — говорилось в этих учебниках. И в жизни и в литературе существовала высокомерно-пренебрежительная трактовка чувашей, как одного из самых отсталых племен. Впрочем, так было, как известно, не только с чувашами, но и с более сильными культурными национальностями, как поляки, евреи, татары, армяне. Наши передовые русские писатели старого времени, конечно, не культивировали и не рассказывали разного рода еврейских и армянских анекдотов и не могли быть сознательными участниками травли инородцев. Но они, копируя действительность, часто и без нужды заставляли говорить в том же духе своих героев. Высказывания этих героев и разного рода игривые философствования по адресу „инородцев“ были, может быть, более вредны, чем открытые злостные анекдоты, ибо они преподносились читателю в прикрашенном и завуалированном виде. „Чуваш“ был ругательным словом; еще Даль в своем словаре записал: „чуаш, чуаш-чушь, чушь — так кличут сви-

ней“. И это нашло отражение в произведениях многих писателей, даже таких, как Решетников, герои которых слово „чуваш“ употребляют, как бранное слово. Это, вероятно, было взято из жизни, но тем не менее это было оскорбительным для нас. Примеры недостаточного чуткого отношения к нерусским национальностям, вероятно, по инерции иногда встречаются и в современной литературе. В первом издании романа „Бруски“ Ф. Панферова встречалось такое место: „Они (сапоги) покрылись ржавыми пятнами, а носки у них смотрели врозь, почему-то напоминая Кириллу-слеповатого чувашина“. Обязательно ли был нужен этот образ слепого чувашина, похожего на рваные носки?

Организация чувашских писателей обратилась по этому поводу к т. Панферову с особым письмом, и в позднейшем издании романа это место удалено.

А. М. Горький специально о чувашах не писал. Но он больше, чем какой бы то ни было другой писатель, упоминает о чувашах в своих произведениях. Разумеется мы ценим А. М. Горького прежде всего не за эти упоминания, а за то, что он сыграл и играет большую роль в развитии нашей национальной литературы и культуры.

А. М. Горький, родившись и выросши в б. Нижнем Новгороде, конечно, не мог не знать и не встречать чувашей. Он в юношеские годы был дружен с одним чувашем-грузчиком. В 1928 году в печати появилось сообщение, что за границей белогвардейская и антисоветская пресса издевается над нашими советскими национальными автономиями, считая их фиктивными и бесполезными. Я послал А. М. материалы о хозяйственном и культурном росте чувашей за советское время. Вот копия письма, которое я получил из Сорренто.

„Д. Петрову - Юману

Уважаемый товарищ!

Сердечно благодарю вас за ваше интереснейшее письмо, за то, что вы познакомили меня еще с одним и очень значительным культурным завоеванием революции.

Разумеется, я в скорости напишу о росте культуры среди людей вашего племени, напишу и в русской и, вероятно, в иностранной прессе.

В юности, во время бродячей жизни моей, я нередко встречал чуваш, бывал

в Чебоксарском уезде, имел даже приятеля чуваша, он был грузчиком в артели Сумарокова, на нижегородских пристанях. Очень мягкий человек, силач, хороший певец, не помню уже, как звали его, кажется — Петр или Павел.

Летом непременно побываю в Чебоксарах.

Крепко жму вашу руку

А. Пешков“.

23/VI-28 г.

В 80 годах, когда подрастал А. М., чувашская беднота, по мере обнищания деревни, осмеливалась и, преодолевая национальную замкнутость, уходила на заработки в города и на промыслы. В конце 80-х годов, в период пребывания А. М. в Казани, в Казанский университет поступил чуваш Охотников, которого подготовил на аттестат зрелости гимназист Владимир Ульянов и который первым из чувашей переступил за порог высшей школы („Школьные годы Ильича“, А. И. Елизарова). В эти годы другой чуваш Генералов принял участие в покушении в Петербурге на императора Александра III и был повешен вместе с А. И. Ульяновым. Но это были еще одиночки, как правило, чувашей в городах и на фабриках не было.

А. М. Горький, скитаясь по Волге, южной России и Кавказу, встречал много националов: татар, армян, евреев, греков, таких же грузчиков и бездомных, бродяг и рабочих, как чуваш Петр или Павел. Великий писатель дал богатую галерею национальных типов, он дал их больше, чем какой бы то ни было другой крупный русский писатель. Все эти типы слегка романтизированы, но правдивы, ибо взяты из жизни. И все они — будь то украинец, грек, грузин, татарин или мордовка — даны с неподдельной простотой и исключительной правдивостью.

Эта сторона в творчестве Горького находит особенно восторженный отклик со стороны моих соплеменников, читателей пролетарского писателя. И это понятно, если вспомнить, в каких условиях мы жили в старое время. Ведь вот в 1890 г. в журнале „Русский вестник“ был описан такой случай: в 1863-64 гг. пожарами до тла был уничтожен дворянский город Симбирск. Версия о том, что это дело рук польских повстанцев, провалилась. Народ упорно утверждал, что город поджигался полицией и солдатами местного гарнизона. Выдумали

легенду, что поджигатели — местные инородцы (татары, чуваша и пр.). Нашли „виновника“ в лице солдата-марийца Федорова, и его торжественно днем в центре города расстреляли под барабанный бой. В виновность Федорова никто не верил. Когда корреспондент „Русского вестника“ выразил свое возмущение расстрелом невинного человека, губернатор барон Врангель сказал: „Стоит ли толковать о таких пустяках, как жизнь какого-то поджигателя-черемиса? Я в Кутаисе вешал по семи разбойников каждый день без всякого суда“.

А. М. в заметках о войне и революции приводил такой случай. Профессор — бактериолог З. в присутствии генерала Б. говорил о необходимости иметь для своих научных опытов обезьян. Генерал серьезно спросил его; „А жида не годятся? Тут у меня жида есть, шпионы, я их все равно повешу, берите жида“.

И А. М. Горький по этому поводу говорит: „Вспоминая о евреях, чувствуешь себя опозоренным. Хотя лично я, за всю жизнь мою, вероятно не сделал ничего плохого людям этой изумительно стойкой расы, а все-таки при встрече с евреем тотчас вспоминаешь о племенном родстве своем с изуверской сектой антисемитов и о своей ответственности за идиотизм соплеменников“.

Это выявляет отношение Горького и к другим не русским национальностям. К сожалению это отношение мало освещено критикой и нуждается в специальных исследовательских работах.

Наша национальная интеллигенция начала нарождаться с 90-х годов и более или менее сформировалась как общественная группа в революцию 1905 года. Вышедшая поголовно из деревни, из среды крестьянства, эта интеллигенция почти сплошь была народнической. Тем не менее среди этой интеллигенции никто из русских писателей и тогда не пользовался таким успехом, как А. М. Горький.

А. М. Горький был выходец из народных низов, самоучка, пробивший себе дорогу к вершинам культуры собственными силами. Одно это обстоятельство вынуждало нас смотреть на него, как на близкого нам писателя. Значительная часть чувашской интеллигенции обучалась в Казани, в городе, гордившемся тем, что в нем жил М. Горький, и овеванном разного рода рассказами о „гениальном выскочке“. А. М. в книге „Мою уни-

верситеты" не один раз упоминает известную труппу „Марусовку“. В этой же „Марусовке“, хранившей память о пребывании в ней Горького, ютилась и кучка чувашских студентов и молодых людей неопределенных профессий, которые в революцию 1905 г. возглавили наше революционное и национальное движение. Автор этих строк позднее стал близким человеком к известному Гурию Александровичу Плетневу, сыгравшему такую крупную роль в развитии А. М. в его юношеские годы и пользующемуся таким теплым расположением со стороны великого пролетарского писателя. Скитаясь в связи с участием в событиях 1905-06 гг. на нелегальном положении, я при содействии некоторых лиц пристроился к фактически редактируемой Г. А. Плетневым газете „Волжский листок“ и проработал в ней 1908-1909 гг.

„Смуглый, синеволосый как японец, с лицом в мелких черных точках, точно натертым порошком, неугасимо веселый, ловкий в играх, остроумный в беседе, он был насыщен зародышами разнообразных талантов“, — говорит о нем А. М. в книге „Мои университеты“. Такой же облик и такой же характер имел Г. А. Плетнев двадцатью годами позднее; только легкая просесть в волосах и частые заболевания напоминали о пережитых им в жизни больших событиях и приближении старости. В семье Г. А. Плетнева, а также в семье издателя газеты доктора М. З. Комлева свято хранили память об их знакомом гениальном писателе и часто и неизменно вспоминали о нем с чувством искреннего уважения. Всегда тепло вспоминал о Горьком и отец доктора М. З. Комлева, старик-подрядчик из костромичей — Захар Комлев, в доме которого по Вознесенской улице бывал и, кажется, иногда и проживал А. М. В беседах с Плетневым я часто жаловался на нашу мачеху-судьбу, высказывал всякие сетования по поводу разных национальных притеснений и обид, как например закрытие нашей единственной национальной газеты. Гурий Александрович в таких случаях обычно шуточно прерывал меня, а затем добродушно, но наставительно говорил: „Бросьте, батенька, хандрить. История за нас, за отверженных. Время-то ведь какое. Вон давно ли Алеша Пешков, Федя Шалапин были что называются босяками, а выростили на наших глазах и глазом не окинешь, стали прямо властителями дум и чувств

народа. Вот уже растете и становитесь людьми и вы, чувашки. Человек, батенька мой, растет, человек, как сказано у Горького, это звучит гордо“.

Я лично начал читать М. Горького с начала XX века. В те годы трудно было встретить среди нас учащегося или народного учителя, который бы не увлекался рассказами А. М. Это не было только данью общему восторженному отношению к Горькому со стороны окружающей русской молодежи. Произведения А. М. находили и должны были находить особый отклик в нашей среде, в среде угнетенных националов, ибо они призывали к борьбе за свободу, за человеческое достоинство. В революцию 1905—07 гг. в общественной жизни чувашей руководили, главным образом, народники и эсеры (последние создали и свою национальную организацию). Возникшей в 1906 г. единственной чувашской газетой руководили в значительной мере они же. Это ни в какой мере не мешало тому, что самым близким и родным для них писателем был Горький. Горького зачитывали до дыр, учили наизусть, читали (в русском тексте) на вечерах и спектаклях. Эти же годы сотрудник чувашской газеты „Хыпар“ Е. Т. Трофимов, который впоследствии отбыл крепостное заключение за организацию чувашской нелегальной типографии в Казани и перед войной застрелился в Москве, перевел на чувашский язык для помещения в газете „Песню о буревестнике“, а другой, ныне умерший литератор, М. Ф. Акимов, — поэму „Человек“. Но газета выходила под предварительной цензурой, и произведения эти на чувашском языке были вычеркнуты цензором и до революции не могли быть напечатанными. В эти же годы М. Ф. Акимов приступил было к переводу пьесы „На дне“, но вынужден был прекратить эту работу в связи с закрытием газеты и полным разгромом чувашских организаций. Из русских классиков за это время был напечатан на чувашском языке единственный эскиз Короленко „Огни“.

Наш очерк не будет полным, если мы не остановимся несколько еще на одном штрихе предреволюционной эпохи. До революции 1905 г. мы сильно увлекались Л. Н. Толстым, как публицистом. Мы, группа чувашских молодых энтузиастов, в 1903 году собирались даже совершить пешее паломничество в Ясную Поляну. Л. Н. Толстой помимо своей народоло-

бивой, опрощенческой „мужицкой“ проповеди увлекал нас своими выступлениями против официальной церкви, которую мы, видевшие от нее в течение 150 лет много зла, может быть не меньше, чем от полицейщины, страстно ненавидели. В революцию 1905-07 гг. это отношение, конечно, изменилось, когда Л. Н. Толстой выступил против революции.

В 1908 г. праздновался восьмидесятилетний юбилей Толстого. Был образован в Петербурге особый комитет под председательством министра торговли и промышленности Федорова, который собирал средства и готовился к выпуску серии дешевых книжек Л. Н. Толстого для народа. Я решил использовать этот момент и выпустить ряд книг Толстого на чувашском языке, но не имел никаких средств и не был уверен, что мне разрешат осуществить это намерение. Полагая, что и средства будут отпущены из комитета Федорова легче и будут преодолены цензурные и иные преграды, если одобрит это начинание сам юбиляр, я написал Толстому письмо с просьбой указать свои книги, которые с его точки зрения надлежит издать на чувашском языке. Л. Н. Толстой начинание одобрил и прислал по почте 15 своих брошюр, такие произведения, как „Евангелие для детей“, „Много ли человеку земли нужно“, „Бог правду видит, да не скоро скажет“ и т. п. Мы, конечно, не могли заниматься изданием этих работ. Правда, и комитет Федорова не только не отпустил средств, но и не ответил на мои письма, но и в случае отпуска средств мы издали бы, вероятно, другие произведения, а не рекомендуемые и присланные самим автором. Ведь религия, церковь, миссионеры являлись объектом нашей самой яростной борьбы. Ведь не анекдот, а факт: как раз в этом году пишуший эти строки совместно с покойным ныне журналистом П. Н. Рзаем подали симбирскому архиепископу прошение об отлучении от православия и присоединении к древнему чувашскому язычеству. Это теперь, конечно, звучит смешно, но в свое время это было выражением протеста, хотя и бесильного, против церковного режима.

В произведениях А. М. Горького много всяких протестантов, чудаков и „философов“, которые непринужденно обращаются с религией и бунтуют против бога. В наших специфически чувашских условиях этот бунт против веры и бога должен был находить особенно большой

сочувственный отклик. Вот у А. М. Горького имеется рассказ „Знахарка“, в котором приведены весьма дерзкие рассуждения о Христе и Киремети. Киреметь был наш древний озорной и вездесущий бог. Нас русские торговцы, мещане и малосознательные крестьяне всегда оскорбляли, называя „киреметниками“. И об этой Киремети знахарка говорит: „Ваш бог, христос, ничего не хочет, только веры хочет. Киреметь — человека хочет, он знает: бог с человеком — правда, а один бог — это неправда... За деньги правду не сделаешь. Попы — деньги любят. Они Христа с Киреметью сравили как собак, дерутся оба, сердятся, ваш — на нас, наш — на вас“. После всего сказанного выше нечего распространяться, какой отзвук должны были находить подобные рассуждения в чувашском читателе, ставящие языческого бога Киреметь выше самого Христа.

Мы не будем указывать, какое большое значение имеет А. М. Горький для развития нашей литературы. А. М. Горького чуваша читают и в русском тексте и в переводе на чувашском языке. Правда, мы пока не имеем полного собрания его произведений на нашем языке, которое еще только готовится и будет издано в ближайшие годы. В настоящее время изданы в переводе на чувашский язык: „Мать“, „Мои университеты“, „В людях“, „26 и одна“, „Песня о буреви́стнике“ и некоторые другие произведения. В ходе бурного роста культуры не только перед писателями, но и перед разными практическими работниками: издателями, учителями, учащейся молодежью и т. п. возникают разного рода вопросы, которые они часто затрудняются сами решить и обращаются за советами и помощью к А. М. Горькому. А. М. не оставляет без ответа и наших писем. Мы еще не собрали всех этих писем и не в состоянии осветить эту переписку Горького с чувашами как следует. Укажем лишь: своими советами и указаниями А. М. Горький всегда подбадривает наших работников и умножает и подкрепляет тот энтузиазм, с которым они строят чувашскую национальную по форме и социалистическую по содержанию культуру.

Вот письмо, которое получили от А. М. Горького издательские работники Чувашии (письмо адресовано А. И. Ярлыкину):

„Искренне обрадован тем, что книги мои переводятся на язык чувашей.

Мне кажется, что литература всего легче и лучше знакомит народ с народом. Это не есть суждение профессионала, влюбленного в свое дело,— это вывод из моих наблюдений за 40 лет сознательной жизни моей. Вывод этот подтверждается тем, что нигде в западно-европейских странах не переводится так много книг с чужих языков, как у нас в Союзе советских республик. Поэтому русский грамотный человек знает о жизни европейских народов несравненно больше, чем эти народы знают и знали о России и о племенах, издревле живущих среди русских людей.

Все эти племена, и в их числе чуваши, теперь получили широкую возможность узнать то, чего они не знали. Им казалось, что их угнетал русский народ. Теперь они увидят, что вся жизнь и везде основана на угнетении людьми друг друга, увидят, что и в русской жизни богатые угнетали бедных, понуждая их этим угнетать беднейших и еще более беззащитных. Книги учат нас понимать, что причина всех страданий рабочего народа, источник всего зла жизни—власть капиталистов. Люди будут свободны и счастливы, когда все они станут экономически равными. Этого можно достигнуть только коллективным трудом, который, уничтожив частную собственность—основу угнетения людей, уничтожит вместе с нею зависть, жадность, злобу.

Я всю жизнь работал для того, чтобы рассказать трудовому народу эту правду—единственную правду, которую не могут опровергнуть мудрецы всего мира. Чем скорее рабочие люди всей земли усвоят эту правду, тем скорее они осуществят на земле справедливую, свободную и легкую жизнь.

От всей души желаю народу чуваш бодрости духа и неистощимой энергии в работе над развитием своей культуры, в работе строительства новой жизни.

М. Горький.

1/1-29 г. Сорренто.

В заключение два слова об одном факте, тоже имеющем некоторое отношение к данному вопросу.

В 1928 году, как известно, за границей поднялась травля против А. М. Горького. Газеты писали о необходимости высылки его из Европы. Группа выдающихся русских писателей и поэтов особым письмом через печать выразила сочувствие А. М. Горькому и протест перед мировым общественным мнением по поводу этой травли. Под этим письмом не было ни одной подписи писателя национала. Ведь тогда мы еще были разобщены и не было единой всесоюзной писательской организации. Мне показалось это обидным, и я написал ему от себя особое письмо. Вот ответ на это письмо:

„Уважаемый т. Петров

Очень тронут вашим письмом и благодарю вас. В условиях той борьбы, которую мы, граждане Союза советов и литераторы, ведем против старого мира, гниение его становится все более очевидным и отвратительным—в условиях этой, в сущности веселой, борьбы единоклассники и солидарность необходимы. А выходки врага против нас—совершенно естественны и менее всего именно они могут смущать или волновать нас. Враг есть враг, и нам было бы наивно ожидать от него любезностей. Он сердится. Это хорошо, значит ему плохо. Давайте же постараемся, чтобы ему было еще хуже.

Крепко жму вашу руку.

А. Пешков“.

28/1—31 г. Сорренто

И мы, писатели Советского союза, без различия национальностей, следуя совету Алексея Максимовича, работаем в меру сил и, разумеется, с тем, чтобы нам было лучше, а врагам нашим хуже.